

Культура.-
1999.-10-16 июня-
с. 12.

Всем нам не хватает веры величиною с горчичное зерно

Считает киноматюрг Юрий Арабов

Юрий АРАБОВ — поэт, киноматюрг, эссеист, заведующий кафедрой киноматюргии во ВГИКе, автор сценариев всех игровых картин, снятых Александром Сокуровым.

Только что на Каннском фестивале он получил приз за лучший сценарий фильма "Молох". Не так давно была издана его книга "Механика судеб". В ней он попытался приложить законы драматургии к реальной человеческой жизни и посмотреть, например, в каком "жанре" живет тот или иной человек, соответствуют ли "развязки" и "кульминация" его жизни тем "завязкам", которые произошли в прошлом. Свое исследование Ю. Арабов провел на примере жизни трех выдающихся людей XIX века — Пушкина, Гоголя и Наполеона. И пришел к поразительным выводам: то, что Пушкина убьет Дантес, Гоголя "похоронят заживо", а Наполеон в свои знаменитые "Сто дней" завоюет Францию без единого выстрела, можно было достоверно предсказать, поскольку эти события являются лишь следствием поступков, совершенных этими людьми ранее.

— Юрий Николаевич, как возникла эта мысль — наложить законы драматургии на человеческую жизнь?

— Я был приглашен читать курс драматургии во ВГИКе. Однажды подумал: а для чего я все это делаю? Имеет ли это, помимо обучения студентов правилам написания сценария, еще и некий онтологический смысл? Это вопрос не праздный, так как для меня искусство и есть та же жизнь — в смысле постижения основных вопросов Бытия. Я вообще считаю, что ни одна из наук и ни одно из искусств не стоят ломаного гроша, если не отвечают на коренные вопросы: зачем мы живем? Что происходит после смерти? Почему с нами случается то или иное событие? Что "движет" случаем? И вот, занявшись рассмотрением законов драмы на примерах "сценариев жизни" известных людей XIX века, я вдруг увидел, что за механикой драматургии прослеживается механика этого мира и то, как он сделан Творцом. Впоследствии из этого выткала книга "Механика судеб".

— В "Механике судеб" вы пишете, что одной из целей ваших исследований было "желание противостоять тенденциям хаоса, которые нарастают в нашей культуре". С чем связано это нарастание?

— Оно связано исключительно с безбожием. Или с многобожием. Я уверен, что основа хаоса — отсутствие центра, вокруг которого строится жизнь. Отсутствие Божественного источника. Если нет точки опоры, то сознание человека распадается.

— В своем исследовании вы пишете, что хотели "нащупать закономерности в судьбах великих людей и посмотреть, как они укладываются в традиционную систему христианских ценностей". Что вы имеете в виду?

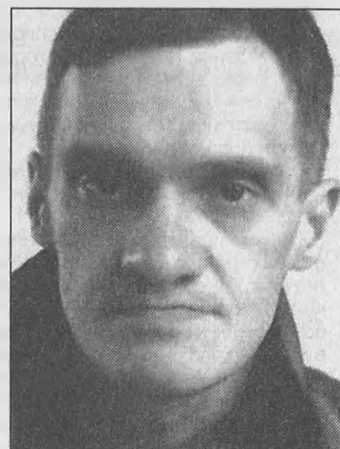
— То, что Христос имел историческое существование, и то, что он является Богочеловеком. Исходя из этого, Воскрешение есть не аллегория, а исторический факт, за счет которого — только из-за него и больше не из-за чего — существует христианство и христианская Церковь. Вот это базис так называемых христианских ценностей. Из него исходит всякого рода надстройка, в которой есть моменты, кажущиеся на первый взгляд взаимоисключающими. Например, Бог есть любовь, Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы — это вот теза. А антитеза — Бог судит и карает. И будет Страшный суд, где каждый получит по заслугам.

За счет этой реальной или кажущейся раздвоенности — тезы и антитезы — существует множество концепций, которые являются как бы не совсем христианскими. Каков источник зла в мире, на-

пример? Вот если вы страдаете. Бог попускает эти страдания или эти страдания происходят вопреки воли Божьей?

Православие, например, говорит, что Бог попускает эти страдания. А некоторые эзотерические системы — например, система Даниила Андреева — говорят, что нет. И что в нашем мире существует некий планетарный демон — гагтунгр, который находится в бесконечной вражде с волей Божьей. И Бог не несет, по Андрееву, никакой ответственности за наши страдания. Он ничего не попускает. Просто он дал человеку свободу выбора и свободу воли. А гагтунгр ввел в этом мире закон воздаяния за совершенные преступления. По Андрееву — воздаяние вообще не божеское дело. Бог не судит. Суд и связанное с ним насилие есть прерогатива гагтунгра, то есть дьявола. Я уверен, что ни Иисус Христос, ни Бог-отец не причастны ни к какой пуле, которая пала в Александра Сергеевича. Он не причастен к тому, что Николай Васильевич в маслицу ре-

Вверху: памятник в Михайловском.
Внизу: портрет поэта работы Р.Коношенко. 1837 г.

шил не есть и уморил себя голодом. Из другой религиозной системы к нам дошел закон воздаяния (или кармические связи), который подразумевает то, что следствие будет вытекать из причины. Значит, если в меня ударит пуля, то я должен говорить, что дело не в бандите — бандит сам ответил за эту пулю, это его проблемы, — а в том, что я стал уязвим ко злу, отпал от Воли Божьей.

— В православной традиции есть такая фраза: "Человеку можно все, кроме того, что ему бесполезно". Бесполезно для его тела (например, чрезмерное чревоугодие или непомерная похоть), для его души (раздражительность, гневливость), для духа...

— Да, здесь важным оказывается часто забываемое нами понятие нормы, или меры. И потому говоря о структурной композиции человеческой жизни, я выделяю прежде всего такой глобальный драматургический механизм, как "нарушение нормы". Именно он включает механизм "воздаяния"

тому, кто эту норму нарушил. При этом в жизни начинается работать известная всем сценаристам драматургическая модель "Посеявший ветер пожнет бурю". Так, например, ветер, поднятый в юности игровыми, "ненастоящими" дуэлями Пушкина, привел, как я думаю, к буре — единственной серьезной дуэли на Черной речке, которую поэт проиграл.

В жизни Пушкина, если рассматривать ее как драматургический сценарий, можно увидеть четыре главные "завязки", которые привели поэта к известному финалу.

Во-первых, это уже упомянутые игры в дуэли. Другая важная "завязка" — характер любовных отношений молодого Пушкина, его многочисленные романы с женщинами. При этом Пушкина, согласно воспоминаниям современников, не стесняли никакие моральные рамки. Как признавался сам поэт в одном из писем, Натали Гончарова была его 113-й страстью. В конце "сценария" жизни поэта это обернулось обратной стороной — уже за женой Пушкина начинает активно ухаживать Дантес. Драматургия прекрасно знает такой "переворот", когда наши собственные "невинные поступки" против других людей, совершенные давным-давно, вдруг оборачиваются против нас самих, увеличенными в десятки раз. Кстати, во воспоминаниях современников, Дантес очень напоминал молодого Пушкина — и остротой мышления, и необузданностью страстей, что тоже свидетельствует о драматургическом "перевороте" теперь уже персонажей в сценарии жизни поэта.

Любой литературовед скажет, что в Михайловском муза Пушкина стала более зрелой, "серьезной". Да и сама жизнь поэта, лишенная светских увеселений, перенесла существенные изменения — он стал больше читать и предаваться уединенным размышлениям о себе и своем будущем. И как следствие этого была предпринята попытка перевязать "завязку" "Я и власть", что выразилось в обещании государю не писать больше политических стихов и не участвовать ни в каких тайных обществах. Но в результате этого Пушкин оказался стеснен цензурой царя и унижен пожалованным ему камер-юнкерством, что привело к нарастающему с годами недовольству Пушкина новыми отношениями с властью. Таким образом "перевязать завязку" "Я и власть" поэту не удалось. В результате эта линия в сценарии жизни поэта вылилась в финале в полную фантазмагорию: распоряжение Николая I о том, чтобы предостеречь дуэль, оказалось исполнено так, что жандармы были посланы в противоположную от Черной речки сторону.

Попыткой "перевязать" вторую "завязку" — "Я и женщины", на мой

дра Сергеевича, переплетаясь между собой, будут двигать "сценарий" жизни поэта по известным драматургам правилам к вполне закономерной кульминации.

— Но ведь человек может попытаться эти следствия изменить, "перевязать завязки"...

— На мистическом языке это называется "сменой кармы". Если говорить о сценарии жизни Пушкина, то такая мысль — "перевязать старые завязки" — пришла к поэту в Михайловском.

В теории драматургии есть понятие "золотого сечения" по отношению к композиции художественного произведения. Понятие это пришло из математики. В драматургии оно связывается чаще всего с некой точкой покоя где-то в середине композиции, в которой действие как бы останавливается. Если выражаться более точно, то "остановка" делит композицию художественного произведения в соотношении одной трети к двум третям, или наоборот. Если взглянуть в композицию жизни Пушкина, то можно увидеть, что те два года, которые поэт провел в Михайловском, как раз и делают его жизнь в соотношении двух третей к одной трети.

Попыткой "перевязать" вторую "завязку" — "Я и женщины", на мой

взгляд, была женитьба поэта на Гончаровой. Этот брак должен был в идеале "перебить" следствия беспутной жизни Пушкина в молодости. Здесь довольно любопытны такие "метки судьбы" — во время венчания падают крест с аналога, а также одно из обручальных колец.

— Как будто бы кто-то свыше предупреждает поэта о тщетности "новой завязки"...

— Но дело, конечно, не в упавших кресте и кольце. Несмотря на то что Пушкин боготворил свою жену, прежняя страстность натуры давала себя знать. Здесь в пример можно привести и влюбленность в сестру своей жены — Александру, и другие увлечения поэта этого периода. Так что вторая "перевязка" с женитьбой явилась ложной, лишь усугубившей и без того нелегкие следствия в последней четверти жизни.

Но была еще попытка по новой "завязать" третью линию — отбросить атеизм и постепено войти в лоно православия. В ряде предсмертных стихотворений Пушкина явственно звучит тема Христа. Однако поэту до конца жизни никак не удалось избавиться от последствий "Гавриилиады". Здесь в утешение можно вспомнить лишь поистине христианскую кончину Александра Сергеевича, которая, будем надеяться, значительно облегчила посмертную участь поэта. По крайней мере духовник, исповедовавший Пушкина перед смертью, скажет потом, что точно такой же кончины желал бы для себя...

— Известно, что в жизни поэта была еще одна "метка судьбы" — это предсказание гадалкой молодому Александру Сергеевичу трех вещей, две из которых очень быстро и точно сбылись (они имели отношение к денежному и служебным делам), а третья касалась его трагической гибели в 37 лет от "белой головы". Известно, что всю жизнь Пушкин остерегался белокорых мужчин и белых лошадей...

— Здесь поражает не столько само исполнение гадания, сколько то значение, которое придавал ему Пушкин. Темным силам только и нужно, чтобы мы воспринимали их всерьез (все эти приметы, предсказания, "знаки"). И это серьезное отношение к ним порождает спор человека с "черной бездной", который невозможно выиграть.

Христианство отрицает гадание, в частности, потому, что отрицает вообще обусловленный чем-либо мир, мир причинно-следственных связей, мир, где царствует автоматический закон кармы, или воздаяния. Отрицает не потому, что этого "нет" в мире (как раз оно есть), а потому, что карма не существует в мире, где есть Суд Божий... С точки зрения причинно-следственных связей непонятно, например, отчего разбойник, распятый с Иисусом, попадает в рай, а благочестивый и уважаемый богач, может, туда и пролезет, но только после того, как верблюд пролезет в угодное ушко. Также христианство отрицает судьбу и рок, но не потому, что их нет. Просто эти понятия гаснут перед понятием единственным — веры величиною с горчичное зерно. Имеешь такую малую веру и скажешь скале "иди!", она стронется с места и пойдет. Что это значит? А это значит — полная независимость от законов "этого" мира при условии "малой веры". Поэтому, в частности, и называют христианство религией абсолютной свободы.

— Но ведь вы только что доказали, что "драматургия" жизни Пушкина существует. Прошлое раздвинуло поэта, настигло его в конце жизни.

— Драматургия жизни, конечно же, существует. Но любой христианин интуитивно знает, как ослабить причинно-следственную связь, как уйти от равнодушной "кармы", как существенно исправить драматургию собственной жизни. Если вообще ее не отменить. Для этого в христианской Церкви существует великое Таинство покаяния и причастия. Покаяние разрывает сети кармических связей, в которые попал человек, как муха в паутину. Оно вообще переводит исповедующегося на совершенно "другие рельсы", часто неожиданные для него самого. И здесь, если можно так выразиться, мы вступаем в загадочное и новое для нас пространство. Вырываясь из мира посостороннего, где царствует причинно-следственный механизм, мы вступаем в мир потусторонний.

Всем нам не хватает веры величиною с горчичное зерно, о большем вообще говорить не приходится. Не хватило этой веры и Пушкину, несмотря на его гениальность. Вместо Христа мы верим в примету, зайца или кошку, перебежавших дорогу, в гадание, в рок... Это приводит к тому, что кармические законы, причинно-следственные связи лишь укрепляются, и человек бессильно вырывается из паутины своих грехов и заблуждений. Карма есть понятие "от мира сего", посостороннее. В ее механистичности заключено богопротивное начало, отрицающее спасение через любовь и веру.

— А можно сказать, что есть область, где нет кармических законов воздаяния, а действуют только законы Божьей любви? Там, наверное, живут праведники?

— Про праведников я вам ничего сказать не могу — у меня не хватило духовных сил, чтобы этого коснуться. Я считаю, что праведник в какой-то степени повторяет путь Спасителя. Нельзя же сказать, что Христа распяли за его грехи. Это кощунство.

— А если бы вы взялись исследовать жизнь праведника, то о ком бы писали?

— Я бы взял Серафима Саровского. Но я не могу приступить к святому Серафиму так же, как к Пушкину. Тут надо менять всю жизнь.

Беседу вела
Наталья ГУГЕВА